

На правах рукописи

Ярулин Константин Илдусович

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК**

22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

10 MAR 2012

Хабаровск–2012

005017478

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет».

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор
Кудинова Наталья Тимофеевна

Официальные оппоненты:

Шкуркин Анатолий Михайлович,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Дальневосточный
государственный университет путей
сообщения»,
профессор кафедры философии

Чупрунов Вячеслав Леонидович,
кандидат социологических наук,
Управление МВД России по городу
Ростову-на-Дону – начальник полиции

Ведущая организация

Институт комплексного анализа
региональных проблем ДВО РАН

Защита состоится 22 мая 2012 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.294.04 при Тихоокеанском государственном университете по адресу: 680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, ауд. 315л.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тихоокеанского государственного университета.

Автореферат разослан 20 апреля 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Леонтьева Эльвира Октаьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется глубокой институциональной трансформацией, характеризующей современный этап развития России. Проводимые институциональные преобразования не в полной мере учитывают сложившиеся в обществе интересы, формирующаяся система институтов не полностью реализует свои функции, является неустойчивой и малоэффективной. Функциональная слабость формальных институтов создает благоприятные условия для активизации неформальной институционализации, которая подрывает и ограничивает порядок функционирования формальных институтов. Конституирование социального пространства российского общества предполагает институционализацию новых экономических, политических и социокультурных координат. При этом институциональная структура социального пространства в такой многомерной системе координат играет особую роль, если под институциональной структурой понимать институциональную среду с выраженной структурой взаимодействия. Характер структурообразования, естественно, влияет на модель взаимодействия, форму представительства и реализацию интересов в социальном пространстве. Все это ставит вопрос об изменениях в самих социальных институтах под воздействием различных факторов. Эти изменения могут происходить на институциональном, организационном и индивидуальном уровнях. «Принципиально новое знание достигается не столько через исследование позитивных и нормальных состояний объекта исследования, сколько через то, что приводит к искажению реальности. Поэтому изучение деформированных и превращенных видов общественного сознания и социальной практики может принести впечатляющие и далеко идущие результаты»¹.

Социальные институты, посредством которых обеспечивается – в большей или меньшей степени – определенность, заданность, если угодно, канализованность человеческого бытия, претерпевают радикальные трансформации. И это касается не одного-двух институтов, но, как представляется, самих институциональных оснований жизни и деятельности общества. Очевидно, такого рода трансформации не могут не оказывать самого глубокого влияния не только на условия и обстоятельства, но и на саму суть человеческого существования. «Изучая процессы институционализации, мы будем лучше понимать, какой новый порядок закрепляется в нашей стране»².

При этом понятия «институционализация», «социальный институт» созвучны понятию социальных практик. Различные формы социальных практик ин-

¹ Тощенко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 3–6.

² Лапин Н. И. Началась институционализация нового социального порядка – какого? // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2003. С. 369–370.

ституционализируются, становясь устойчивыми, оказывают организующее влияние на социальную жизнь. Другие виды практик формируют девиантные, протестные, субкультурные и даже контркультурные проявления социальной активности. Поэтому социальные практики способствуют формированию новых социальных институтов, позволяющих гибко реагировать на социальные изменения, открываться новому опыту. Актуальность исследования заключается в необходимости выяснения, во-первых, каков механизм развития, отбора и смены различных социальных институтов; во-вторых, каким образом выбирать те или иные организационные формы в зависимости от характера существующей институциональной среды; в-третьих, каковы особенности поведения социальных акторов в рамках различных социальных практик. Представляется необходимым развитие практической парадигмы, которая позволит выстраивать теоретико-методологические модели институционализации современных социальных практик. Речь идет о том, чтобы развить социологическую институциональную теорию, позволяющую лучше понимать закономерности, по которым функционируют и трансформируются социальные институты, и пригодную для применения в практических исследованиях и планировании процессов институциональных трансформаций.

Степень разработанности проблемы. Понятие социальный институт – одно из фундаментальных в социологии, которую и определяют как «науку об институтах, их генезисе и функционировании»¹. Однако общей теории социальных институтов нет, как нет и единого определения института. Анализ специальной литературы показывает, что существующие определения понятия «социальный институт» многозначны. А. А. Давыдов отмечает: «Проанализированные определения имеют разный уровень обобщения, относятся к различным аспектам общества, в различных определениях один и тот же смысл передается с помощью различных терминов, наблюдается «отрыв» определения от эмпирических исследований и практических приложений»².

Социальный порядок (т. е. общество, создаваемое человеком) возникает согласно Лукману и Бергеру именно в процессе институционализации. В этой связи концепция институционализации должна выступать инструментом анализа происхождения социального порядка, форм его поддержания и воспроизведения³. По существу Лукман и Бергер осуществляют тот же самый методологический ход, который обнаруживается у Парсонса. В парсоновской версии механизмами установления социального порядка выступают институционализация и интернализация⁴. В теории общества Лукмана и Бергера данная трактовка также принимается в качестве исходной, а отличие от парсоновской

¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20.

² Давыдов А. А. Системная социология. М., 2006. С. 68.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 88.

⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М., 2000. С. 154–208.

версии в данном пункте состоит в объяснении предпосылок институционализации.

Центральные положения концепции институционализации Никласа Лумана заключается в принципиальном отказе Лумана интерпретировать общество через понятие «институт». В рамках разработанного им подхода общество предстает как операциональная система коммуникаций, отличающая себя от всех прочих систем и от среды («субстрата коммуникаций») посредством специфической формы существования и специфического способа переработки информации о внешнем мире. В качестве такого способа выступает «смысл» – редукция сложности мира к резервуару возможностей опыта и действий. Социальная система согласно Луману – это находящаяся в постоянном движении, эволюционирующая целостность. Эволюция социальной системы может быть выявлена и проанализирована через наблюдение за содержанием процесса ее институционализации¹.

Использование категории «институт» для исследования процессов, происходящих в обществе, претерпело в XX в. значительные изменения: институционализм распался на «старый» и «новый», а в конце XX в. возник неоинституционализм. Представитель этого направления Д. Норт понимает институты как «"правила игры" в обществе, или... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен»².

В советской науке до 1970-х гг. термин «социальный институт» отсутствовал. И лишь с середины 90-х гг. XX столетия начинается активная разработка подходов к изучению данного концепта. Существуют представления о социальном институте как «формально организованной системе учреждений (служб, центров) и профессиональных групп, обладающей определенным, социально признанным назначением»³; другие авторы различают понятия «учреждение» и «социальный институт»⁴.

¹ Островская-младшая Е. А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 1 (4). С. 104–105.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

³ Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 392

⁴ Зеленев Л. А. Социальные отношения и социальные институты // Социальные отношения и социальные институты : тезисы докл. к XI межзон. науч. симп. Горький, 1983 ; Готов М. Б. Социальный институт: определение, строение, классификация [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 1–13. http://www.isras.ru/index.php?page_id=204

Теория практики раскрывается в русле современного структурализма, а именно в работах П. Бурдьё¹. Практика, становясь специальным предметом исследования французского социолога, имеет двойственную структуру: с одной стороны, детерминируется социальной средой, с другой стороны, воздействует на среду, изменяя ее структуру. В теории структуризации Э. Гидденса социальная практика предстает своего рода основой, способной преодолеть разрыв между макро- и микросоциологическими уровнями: социальная реальность как сплетение социальных практик, или систем социальных действий².

В понимании сущности социальной практики современных отечественных концепций существует два противоположных методологических подхода.

Суть первого подхода заключается в том, что «социальный институт есть относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества»³. Таким образом, речь идет о том, что первичной оказывается социальная практика, нежели институт, который выступает лишь формой/типом социальной практики.

В основе концептуальной модели второго подхода лежит тезис обратного порядка: социальные практики есть формы функционирования социальных институтов. Т. И. Заславская пишет: «Социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит... совокупность соответствующих социальных практик. Институты, как всякая сущность, глубже и устойчивее форм своей реализации, поэтому практики могут меняться, не затрагивая их сущности. Напротив, преобразование институтов неизбежно сопровождается изменением практик, причем последнее служит самым надежным критерием подлинных институциональных сдвигов». По мнению М. А. Шабановой, «социальные институты соотносятся с социальными практиками как содержание с формой или сущность с явлением. Институты, как всякие сущности, глубже и устойчивее своих форм. Практика, как форма, более конкретна»⁴.

Как отмечают В. В. Волков и О. В. Хархордин, «с одной стороны, практика (или практики) все чаще фигурирует в качестве основной категории в антропо-

¹ Бурдьё П. Практический смысл / пер с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001.

² Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.

³ Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1999. С. 157; Добренков В. И., Кравченко А. И. Социология. В 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М., 2000. С. 145–146.

⁴ Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2001; Шабанова М. А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология : электрон. журн. 2006. Т. 7. № 4. URL: http://ecsoc.msses.ru/data/868/587/1234/ecsoc_t7_n4.pdf С. 19.

логии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории – и в этом смысле формируется некоторая общая для социальных наук парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этих понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации»¹.

В нашем понимании социальная практика предстает как совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и в пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование либо замену социальных институтов, и на определенном этапе становящаяся социальным институтом.

Среди отечественных социологов, занимающихся анализом теневых практик как органического элемента хозяйственной жизни, следует отметить В. В. Волкова, исследователя нелегального «силового предпринимательства», которое компенсировало слабость легальной защиты прав собственности², и С. Ю. Барсукову, рассматривающую теневую экономику как ключевой компонент теневых механизмов политической жизни³. К пониманию теневой экономики как института, играющего системообразующую роль в постсоветской экономике, пришли Л. Я. Косалс и Р. В. Рыбкина⁴. Особо следует отметить диссертационное исследование Э. О. Леонтьевой, посвященное анализу процессов институализации неформальных практик в сфере высшего образования⁵.

Заслуживает особого внимания научная позиция Г. А. Сатарова, который настаивает на необходимости становления нового научного направления социологии коррупции. Главным теоретико-методологическим направлением ее исследования в России он считает изучение «взаимодействия между новыми институтами и старыми неформальными нормами и практиками»⁶, что позволяет при использовании социологического подхода за отдельными фактами коррупции видеть социальные практики и социальные сети, связать в одно целое поведение людей и организованных систем.

Однако проблема институционализации практик как теоретическое направление в исследованиях пока только формируется. Нет единого мнения о том, что означает явление институционализации, какова его объективная основа. Требуется уточнения классификация форм ее проявления. Теоретическая и прак-

¹ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. С. 12.

² Волков В. В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М., 2005.

³ Барсукова С. Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики // Мир России. 2006. Т. XV. № 3.

⁴ Косалс Л. Я., Рыбкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социологические исследования. 2002. № 4.

⁵ Леонтьева Э. О. Институализация неформальных практик в сфере высшего образования : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Хабаровск, 2010.

⁶ Сатаров Г. А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 152 ; www.indem.ru.

тическая значимость институционализации неформальных практик в условиях институциональной трансформации российского общества, ее влияние на посткризисное развитие, недостаточная изученность в социологическом аспекте делают необходимым исследование данной темы, постановку цели и задач настоящего диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в теоретическом изучении процесса институционализации на основе раскрытия понятия, форм и противоречий его развития, выявления институтов согласования интересов. Достижение поставленной цели исследования потребовало решения следующей системы задач:

- определить теоретическое содержание процесса институционализации социальных практик, его признаки для обоснования механизма возникновения институтов на основе взаимодействия интересов и их структурирования;
- рассмотреть процессы институционализации коррупции в переходном российском обществе, обосновать изменение характера социальных практик и определить причины легитимации коррупции;
- провести анализ российской коррупции как системного социального явления.

Общая рабочая гипотеза исследования заключается в предположении о том, что высокий уровень теневых экономических практик в Россию обусловлен начавшейся в 1990-е гг. и ныне продолжающейся фактической институционализацией коррупционных отношений. В отличие от классических представлений о коррупции как «повреждении» нормального хода управления делами общества, форме девиантности релевантная трактовка постсоциалистической коррупции должна учитывать происходящие в ней сущностные изменения: из аномалии коррупция угрожает стать и зачастую становится доминирующей нормой взаимодействия социальных и политических акторов, основой создания «параллельной» политической и социальной реальности.

Объектом исследования выступает процесс институционализации неформальных социальных практик в современных условиях.

Предметом исследования является система отношений между субъектами социального взаимодействия, складывающаяся в процессе институционализации механизмов неформальных практик при реализации социально-экономических интересов.

Теоретическая и методологическая основа исследования. Теоретические обобщения строились на основе трудов экономистов, философов, социологов, политологов, юристов по проблемам интересов, институтов, институционализации, теории институциональной трансформации. Теоретико-методологической основой диссертации также выступают основные положения теории элит, групп интересов, теории власти, социальной легитимации, теории социального взаимодействия, институциональный подход, сетевой анализ.

В процессе диссертационного исследования применялись основные гносеологические методы, включающие системный, сравнительный и ретроспективный научный анализ, историко-логический метод, методы прогнозирования.

При реализации цели и задач исследования в рамках системного подхода применялись системно-функциональный, системно-структурный методы. Их применение дало возможность исследовать функционирование институтов в институциональной системе с учетом системных свойств организации социума.

Фундаментальной методологической основой диссертационного исследования является структурный функционализм (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.), согласно которому постепенное преобразование социальных институтов, легитимирующих неформальные социальные практики, вызывается, главным образом, необходимостью их приспособления к изменяющимся физическим и социальным условиям. В результате такой адаптации происходит дифференциация этих институтов, совершенствование их функций и как следствие – усложнение всей социальной структуры, что отвечает объективным потребностям как индивидов, так и общества в целом.

Методологический подход Парсонса предполагает рассмотрение специфики взаимодействия через призму категории социального действия, которая подразумевает участников-акторов, стандартизованную систему социальных отношений между ними, систему действия, т. е. мотивированного человеческого поведения¹.

Информационно-эмпирическая база исследования. Информационное обеспечение работы составили: монографии, диссертации, материалы научных конференций, статьи, официальные данные государственного комитета Российской Федерации по статистике, материалы ряда социологических исследований, проведенных ведущими социологическими службами России такими как ФОМ, ВЦИОМ, Левада-центр, Фонд «Индем», опубликованные в литературе, периодической печати и сети Интернет. Также в основе проведенного исследования лежат материалы социологических исследований по проблемам коррупции, проведенных некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» при непосредственном участии автора в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре в 2005 г. (выборочная совокупность = 986 респондентов) и в 2008–2010 гг. (выборочная совокупность 750 респондентов и 1 200 респондентов соответственно).

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Институционализация неформальных практик означает процесс оформления взаимодействия социальных акторов в институциональную систему, элементы которой, становясь общепринятой практикой и подтверждаясь в реальных социальных отношениях, действуют в направлении формирования организации социальной деятельности субъектов и реализации их интересов.

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 403–406; 700.

2. Институционализация неформальных практик – противоречивый процесс, заключающийся в противоречиях между формальной и неформальной институционализацией и их агентами. Выявлено, что тенденции роста неформальных практик находятся в зависимости от неэффективности проводимых реформ, характеризующихся инерционностью, неадекватностью, субъективностью, отчужденностью от объекта воздействия – общества.

3. Признаками институционализации теневых практик являются:

- обеспечение согласования интересов, подчинение индивидуальных мотивов поведения групповым или общественным;
- регулярность и долговременность практик;
- образование набора норм и правил, задающих параметры взаимодействия.

4. Институционализация теневых практик в России имеет особенности:

- усиление и закрепление неформальных отношений, определяющих социально-экономические взаимосвязи между субъектами, включенными в сети доверительных отношений;
- подмену неформальными институтами формальных институтов;
- развитие механизма теневой институционализации и их легализация и легитимация, обусловленное факторами, воспроизводящими теневые процессы; формирование условий для недоступности общественного контроля.

5. Аномально высокий по сравнению с другими показателями социально-экономического развития уровень коррупции в России обусловлен усиливающейся институционализацией коррупционных отношений. Коррупция, под которой принято понимать злоупотребление государственной властью в целях получения личной выгоды, зарождается при обособлении функций управления в общественной и хозяйственной деятельности в эпоху формирования государственности. В силу сложности данного феномена и его причинного комплекса, многозначности проявлений и последствий во всех областях человеческой жизнедеятельности наиболее продуктивен не узко отраслевой, а междисциплинарный подход к изучению коррупции.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в следующем:

- обоснованы эвристические преимущества социологического анализа неформальных практик;
- конкретизированы признаки институционализации неформальных практик, позволяющие выработать обобщённый синтезированный взгляд на данный процесс;
- дополнительно аргументированы категории «институционализация», «деинституционализация», «мутация социальных институтов»;
- определены факторы быстрого развития неформальных практик в России;

– аргументирован вывод о том, что устойчивые структуры реализации неформальных социальных практик по мере распространения принимают законные формы;

– выявлена объективная обусловленность коррупционных практик под влиянием развития неформальных социальных практик.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретические положения и практические рекомендации, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут быть использованы при совершенствовании правовой базы, предусматривающей регулирование экономики, а также могут быть применены в практической деятельности органов федеральной власти, региональных и муниципальных органов управления. Материалы диссертации могут использоваться при разработке нормативно-правовых актов в сфере противодействия развитию теневой экономики на региональном уровне, применяться в деятельности правоохранительных органов Хабаровского края при организации мероприятий по борьбе с экономическими и налоговыми преступлениями. Отдельные части диссертации могут быть использованы для дальнейших научных исследований, поскольку содержат методологию анализа процесса институционализации, теорию этого процесса, упорядоченные сведения по всей совокупности вопросов, входящих в рассматриваемую проблему. Сформулированные автором выводы и рекомендации, являющиеся результатом анализа широкого эмпирического материала и его теоретического осмысления, даны в виде конкретных предложений, направленных на минимизацию последствий теневой экономики. Они могут быть использованы правоохранительными органами различных ведомств, а также при организации обучения в учебных заведениях по курсам дисциплин: «Экономическая социология», «Общая теория социологии», «Социальная политика», «Теневая экономика», «Профилактика экономических преступлений».

Апробация результатов исследования. Основные выводы и предложения диссертационного исследования отражены в выступлениях автора на международной научной конференции «Эффективность экономики прибрежных районов в условиях развития интеграционных процессов в АТР» (Петропавловск-Камчатский, октябрь, 2006), IV Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое» (Хабаровск, ноябрь, 2008), Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь Востока России: история и современность» (Хабаровск, 2009, 2011), IX Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей, аспирантов и соискателей (Хабаровск, 2011).

Основные результаты, положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 11 научных изданиях, в т. ч. четыре – в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, общим объемом 5,1 печ. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включая 6 параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы исследования, дана характеристика разработанности проблемы в социологической и специальной литературе, посвященной проблемам институционализации теневых практик, определяются объект, предмет, цели и задачи диссертации, ее методологическая основа; раскрывается научная новизна и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Становление новых социальных практик и трансформация системы институтов**» рассматриваются процессы и механизмы становления социальных институтов, в частности, институционализации теневой экономической деятельности и факторы, обуславливающие ее развитие, масштабы теневой экономики и методы ее измерения.

В современных социальных науках наблюдается множественная картина в определении понятия «институт». Различия в трактовках зависят от области научного знания. В правовой науке институты понимаются как сугубо юридические установления. В политической науке долгое время институты (в т. ч. политические) трактовались формально и лишь два десятилетия назад началась концептуальная переработка этого понятия. В социологию понятие «институт» вошло на рубеже XIX–XX вв. и стало рассматриваться как определенный способ действий и суждений, существующих вне и независимо от отдельно взятого индивидуума. Сегодня социологи подчеркивают значение института как организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему.

Социальные институты – это специфические образования, обеспечивающие относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества, некоторые исторически обусловленные формы организации и регулирования общественной жизни. Институты возникают в ходе развития человеческого общества, дифференциации видов деятельности, разделения труда, формирования специфических видов общественных отношений. Их возникновение обусловлено объективными потребностями социума в регулировании общественно значимых сфер деятельности и социальных отношений. В зарождающемся институте по существу опредмечивается определенный вид общественных отношений. Социальные институты, с точки зрения институциональной социологии, предполагают сознательно регулируемую и организованную форму деятельности массы людей, воспроизведение повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций, передаваемых из поколения в поколение. Каждый социальный институт, входящий в определенную социальную структуру, организуется для выполнения тех или иных общественно значимых целей и функций.

Особая интерпретация института заключается в том, что институт состоит не только из норм, в него могут включаться элементы практики. Эта социологическая трактовка института нашла свое воплощение в трудах Дж. Марча и Й. Олсена, которые относят к институтам «установившуюся практику (рути-

ну), процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания»¹. При такой трактовке размывается понятие института и оно становится ненужным. А. Лейпхарт также включает практику в содержание института, определяя последний как «формальные и неформальные правила и практики, которые используются для того, чтобы преобразовывать предпочтения граждан в общественную политику»².

Поэтому не всю социальную практику стоит включать в понятие института. Более продуктивным представляется подход, при котором выделяется какой-либо основной компонент или существенное свойство, конституирующее некое явление как социальный институт. Это могут быть нормы и (или) какая-то часть социальной практики. С. Г. Кирдина так связывает понятия «институт» и «практика»: институты – это «глубинные, исторически *устойчивые формы социальной практики*, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества»³. Таким образом, в понятие института следует включать только устойчивую, долговременную практику, опирающуюся на нормы.

Одна из дискуссионных тем в институционализме – включать ли неформальные правила (нормы, процедуры и т. п.) в понятие социального института. Если ограничить определение института лишь формальными нормами, то появляется риск упустить из виду многочисленные, присущие любой социальной организации неформализованные, но «сами собой разумеющиеся» правила, которые детерминируют политическое поведение. При включении в содержание понятия «институт» неформальных правил появляется возможность дать ответ на вопрос о том, что означают изменения в формальных социальных институтах, т. е. выявить специфику собственно «социологического» компонента организации социальных институтов. Это справедливо по отношению, в частности, к теневой экономике. Как справедливо отмечает Ю. Латов, «теневая экономика генерирует и предлагает обществу для массового внедрения новые институты, одновременно вбирая в себя старые институты. Общество нуждается и в поиске новых «правил игры», и в укреплении существующего стабильного набора институтов, и в канализации архаичных норм. Наличие теневого сектора экономики делает развитие общества более устойчивым и безопасным. Конечно, этот вывод нельзя абсолютизировать – в конкретные исторические периоды деструктивное, антисистемное воздействие теневых отношений может превалировать над конструктивным, системообразующим»⁴.

¹ March J. G., Olsen J. P. Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. N. Y., 1989. P. 22.

² Lijphart A. Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in twenty-one countries. New Haven, Conn., 1984. P. 3.

³ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 17.

⁴ Латов Ю. Функции теневой экономики как институциональной подсистемы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 1. С. 82.

Сегодня речь идет уже не о наличии институтов теневой экономики как параллельной структуры, а о беспрецедентном росте масштабов теневых отношений во всех сферах жизни общества и фактически об институциональной подмене легальных отношений теневыми. И это явление качественно отличается от всего когда-либо наблюдавшегося в практике российской хозяйственной (и не только) жизни. Естественно, что оно вызывает разнообразные трактовки исследователей, которые не могут прийти к единому мнению о сущности и природе процессов теневиизации. Некоторые из них склонны считать, что распространение процессов теневиизации в пореформенной России обусловлено в первую очередь потребностью в спонтанной самоорганизации общества перед лицом кризиса государственной власти, т. е. что теневиизация – это реакция социетальной системы на возникшую угрозу ее целостности. С помощью развития теневых процессов система адаптируется к происходящим изменениям аномийного характера. По мнению ряда авторов в России теневое сообщество образует некое квазигражданское общество, поскольку настоящее гражданское общество формируется в сопряжении с правовым государством. «Государство, стремящееся подмять гражданское общество, уничтожает, прежде всего, основы личной независимости подданных – гражданские свободы, рынок и частную собственность, закрепощает граждан вплоть до запрета им свободно выбирать места жительства и работы. В крайнем своем выражении «победа» государства означает полную ликвидацию легального гражданского общества, прозябание его в теневых формах (черный рынок, например). Гражданское общество самодостаточно; оно есть совокупность отношений людей как участников рынка товаров и услуг, собственников, партнеров, конкурентов, соседей, членов общественных объединений и движений, церквей, землячеств, кланов. Институты гражданского общества властью не обладают, однако они стихийно порождает правовую систему, которая впоследствии получает наименование «естественного права». Конфликты разрешаются в рамках гражданского общества и его организованных элементов приватным образом, например, частными (третьими) судьями. Поединки, воровские сходки и суды чести – также суть экзотические формы саморегуляции гражданского общества»¹.

Теневая экономика охватывает не только собственно хозяйственную деятельность, но и практически все другие сферы: политику, административное управление, правоприменительную и правоохранительную сферы, область социальных гарантий и т. п. В результате теневая экономика существенным образом определяет и образ жизни практически всех социальных групп российских граждан, потому что им приходится вступать в иллегальные отношения для решения многих своих проблем, ведь практически все общественные блага в России доступны гражданам только на условиях купли и продажи. Недооценка неформальных институтов была характерна для традиционного периода разви-

¹ Пашин С. Государство и гражданское общество, или Игра в орлянку // Индекс/Досье на цензуру. 2001. № 16. С. 17.

тия социологической науки, когда наблюдался перевес формальной стороны над социальной практикой, «официальной» трактовки событий над «реальной».

Институты важны, поскольку их функционирование приводит к определенным политическим, социальным и экономическим результатам, таким как политическая стабильность, устойчивая демократия, экономический рост, социальное равенство и пр. «Важность» институтов означает наличие причинно-следственных связей: институты воздействуют на политические и социально-экономические условия и определяют их результаты. Вопрос заключается в том, *какие* институты и *как* воздействуют на социум.

Следует согласиться с Р. В. Рывкиной, которая утверждает, что теневые процессы в социальных сферах вторичны по отношению к теневой экономике: «будучи источником теневых процессов, экономика как бы «заражает» ими все другие сферы общества. В результате оказывается, что теневые процессы выходят за рамки экономики и проникают во все остальные сферы общественной жизни»¹. Социальные институты могут иметь различный статус в обществе по критериям легальности и легитимности и соответственно обладать разной степенью влияния на процессы социальной интеграции и формирования социального порядка. Это положение достаточно четко сформулировал У. Бакли: «Если мы собираемся использовать термин «институция», это означает, что мы должны быть готовы отличать «легализированные» от «легитимизированных» институций и «легитимизированные» от «нелегитимизированных» институций; социальную власть от легитимизированного руководства и утилитарное или вынужденное подчинение от нормативной конформности и ценностного согласия»². Такое понимание социальных институтов подразумевает рассмотрение нескольких типов институциональных образований, имеющих различное влияние на интеграционные процессы и социальную стабильность в обществе.

Во второй главе «Социологический анализ неформальных социально-экономических практик» обосновывается вывод о том, что одним из таких социальных институтов, порожденных теневыми экономическими отношениями, является коррупция. Значительные масштабы коррупции и ее всплеск в современном обществе заставляет сформулировать проблему системной трансформации коррупции в условиях социально-политической и экономической модернизации.

Г. А. Сатаров считает, что коррупция в переходных странах связана с возникновением «зазора» между новыми трансплантированными рыночными и демократическими институтами и старыми неформальными практиками социального взаимодействия³. Соответственно чем масштабнее институциональные реформы, тем более глубоки различия между «старыми» практиками и «новы-

¹ Рывкина Р. В. Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 36.

² Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, New Jersey, 1967.

³ Сатаров Г. А. Некоторые задачи и проблемы социологии коррупции // Россия и современный мир. 2003. № 4. С. 152.

ми» правилами. Открывается простор для использования различных форм коррупционного взаимодействия. Таким образом, коррупция становится индикатором неэффективности институциональных реформ. В то же время вряд ли коррупция есть порождение «старых неформальных норм и практик». Эти неформальные отношения, несомненно, тоже модернизируются и даже институционализируются.

«Коррупция – это совокупность инструментов, выработанных за время существования российского реформаторства, позволяющая гражданам, по крайней мере со времен Петра Великого, нейтрализовывать реформаторские новации государства. Именно коррупция позволяет людям жить в условиях, когда государство пытается разными способами загнать их в рамки, определяемые из самых благих, но абстрактных (в гегелевском понимании абстракции) предположений и намерений. Наша коррупция – это система действий членов гражданского общества, позволяющая им добиваться своих целей вопреки государственным нормам, правилам и законам и использующая чиновников – работников государственного аппарата – для удовлетворения своих потребностей, и симметрично – использование государственными людьми служебных возможностей для удовлетворения потребностей: своих, своих родственников, своих знакомых, знакомых знакомых, рекомендованных знакомыми и пр. Ведь государственные люди такие же члены гражданского общества, как и простые граждане, и в полной мере используют его возможности для достижения своих целей», – справедливо отмечает С. Кордонский¹.

Социологический подход к пониманию сути коррупции обнаруживает более широкие горизонты ее научного анализа и позволяет описать коррупцию как масштабную, интегрированную и социально опасную систему. «Методология исследования сводится к поэтапному последовательному воссозданию следующих моделей коррупции:

- 1) как типа индивидуального поведения должностных лиц,
- 2) как совокупности социальных практик, складывающихся в определенном общественном сегменте, опирающихся на определенный набор социальных представлений, ценностных ориентаций и формирующих коррупцию как нормативную модель поведения,
- 3) как свойства социальной системы управления,
- 4) как особого типа социальной системы, существующего параллельно системе легального государственного управления².

Социологи видят в коррупции «социальное отношение», которое выражается в нарушении принятых в обществе норм обязательного поведения и социального благополучия, «порабощение общественных отношений, где два или более лица совершают подмену отношений путем успешной трансформации

¹ Кордонский С. Государство, гражданское общество и коррупция // Отечественные записки. 2005. № 6. С. 15.

² Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Южно-Российский гос. техн. ун-т. Новочеркасск, 2008. С. 11.

денег или власти, обходя предусмотренные законом процедуры и подменяя их личными отношениями» или отношение «клиент – хозяин»¹.

Институты коррупции интегрированы во всеобщий социальный порядок, они логически связаны с формальными институтами государственного управления. Реальные общественные отношения при всей их сложности и многообразии складываются по двум возможным сценариям – стихийно или через посредство социальных институтов. Их отличие выражается в том, что институциональные социальные отношения имеют устойчивый, исторически сложившийся характер, они формализованы и четко регламентированы. Тем самым институционализация социальных взаимодействий связывается со стремлением к регламентации, упорядочиванию, нормированию. Социальный институт не может существовать без социальной потребности, а значит, говоря о коррупции как социальном институте, надо прямо указать: в современном обществе существует социальная потребность в регламентации, «нормировании» противоправных коррупционных отношений.

Широкое распространение коррупции выступает условием ее институционализации. Институционализация коррупции – это закрепление коррупционных практик в тех или иных организационно устойчивых формах. Об устойчивости можно говорить в том случае, если данные практики признаются всеми участниками данной деятельности и транслируются следующим поколениям субъектов коррупционного взаимодействия. Институционализация коррупции означает, что спонтанное коррупционное поведение сменяется регулярными действиями, совершаемыми в соответствии с определенными правилами. Институциональная коррупция превращает ее в структурированную и самовоспроизводящуюся социальную систему. Поскольку институционализация коррупции есть процесс, он в обязательном порядке представляет собой этапы: зарождение, поиск форм, отбор наиболее эффективных и адекватных целям субъектов коррупционного взаимодействия и т. д. В результате отбора форм некоторые виды коррупционных практик отмерли, другие широко распространились и «вошли в культуру» российского общества. Специфика институциональной экспансии коррупции не только в том, что создаются специфические коррупционные организации, но и коррумпируются уже существующие или создаваемые для иных целей.

Коррупция как феномен может существовать только в системе институциональных отношений как их своего рода производная. Сами собственно институты государственной власти порождают систему коррупционных отношений. С особенностями властных взаимодействий связано становление советско-российских социокультурных кодов коррупции. Специфичными следует считать асимметричный характер прав, привилегий и обязанностей власти и тотальное отчуждение российского народа от власти. Данные особенности выступают условиями социальной легитимации коррупции

¹ Defleur M. Corruption, Law and Justice // Journal of Criminal Justice. 1995. № 23. P. 243.

постольку, поскольку они не только являются результатом искажения системы властных взаимодействий, но и «нормализуют» это искажение, способствуют кодификации системы коррупционных взаимодействий.

В ходе массового опроса, проведенного в сентябре 2010 г. в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, выявились и подтвердились некоторые особенности проявлений коррупции и отношения к ней населения¹.

Респондентам предлагалось ответить на открытый вопрос: «Как Вы понимаете слово «коррупция»? Что оно, по Вашему мнению, означает?» (табл. 1). Ответы показывают, что круг обыденных смыслов, приписываемых этому понятию простыми гражданами, выходит далеко за рамки «классических» определений. Под словом «коррупция» участники опроса понимают совершенно различные действия и явления. Опрашиваемые склонны к расширительному толкованию этого термина, подводя под него практически любые негативно воспринимаемые действия должностных лиц. Впрочем, большинство респондентов определяют коррупцию весьма близко к истинному значению этого слова (табл. 1).

Таблица 1

	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск
Взятничество должностных лиц	4,4 %	17,9 %
Воровство во властных структурах	1,8 %	7,7 %
Связь власти с криминальными структурами	3,3 %	5,4 %
Использование служебного положения в личных целях	3,1 %	12,0 %
Аферы, махинации должностных лиц	3,1 %	5,0 %
Все вместе взятое	84,2 %	52,0 %

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что почти каждый будет брать взятки, если ему будут их давать?» получены следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск
Да, согласен	80,4 %	48,9 %
Нет, не согласен	12,9 %	36,7 %
Затрудняюсь ответить	6,7 %	14,4 %

Возникает вопрос о моральной ответственности и надежности людей.

¹ Материалы социологического исследования «Основные формы проявления коррупции и борьба с ней», проведенного НП «Дальневосточный институт социально-политических исследований» среди жителей городов Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска с 4 по 8 сентября 2010 года при участии автора. Объем выборочной совокупности: Комсомольск-на-Амуре – 450 респондентов, в Хабаровске – 750 респондентов. Метод сбора данных – стандартизированное интервью по месту жительства.

Как социальное явление российская коррупция возникает и поддерживается на уровне неформальных социальных связей, составляющих основу общества, она может быть обнаружена на всех уровнях управления им, а также в системах, обеспечивающих его саморегулирование.

Коррупция в образовании и медицине формирует и поддерживает дискриминацию российских граждан по их социальному статусу и уровню жизни, нарушая конституционный принцип равенства и общедоступности соответствующих услуг. Это положение приводит Россию в своеобразную институциональную ловушку, когда государственные институты становятся не только неэффективными, но и при любых реформах не способными решить важнейшие проблемы граждан.

Случалось ли в течение последних трех лет, что Вы, Ваши родственники давали взятки, подношения или оказывали какие-либо услуги, когда приходилось (любое количество ответов) (табл. 3).

Таблица 3

	Комсомольск-на Амуре	Хабаровск
Устраиваться на работу	54,7 %	5,6 %
Поступать в институт	6,0 %	21,8 %
Организовывать похороны	—	4,6 %
Привлекаться к уголовной ответственности, находиться под следствием	—	5,4 %
Оформлять права на квартиру, жилье	0,7 %	9,8 %
Получать разрешение на покупку земли, на строительство	0,2 %	7,7 %
Платить налоги своей фирмы, подавать налоговую декларацию фирмы	—	6,7 %
Получать водительские права, регистрировать автомобиль, проводить его техосмотр	42,7 %	23,8 %
Получать важные документы, справки в местных органах власти	16,0 %	13,5 %
Устраивать ребенка в школу	1,6 %	7,9 %
Лежать в больнице	9,1 %	24,2 %
Обращаться с военкоматом по поводу призыва в армию	0,7 %	10,2 %
Проходить через разбирательство уголовного дела в суде	—	4,8 %
Получать регистрацию, прописку	—	7,9 %
Регистрировать фирму, получать или продлевать разрешения на деятельность	3,3 %	4,4 %
Растаможивать какие-либо грузы	—	7,1 %
Нарушать правила дорожного движения и быть задержанным сотрудником	72,2 %	20,8 %
Не приходилось, не случилось ничего из перечисленного	12,7 %	32,3 %

Удалось ли Вам решить проблему без взятки, подарка или Вы отказались от попыток решить ее? (табл. 4).

Таблица 4

	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск
Да, удалось	24,9 %	35,4 %
Нет, не удалось, я отказался от попыток решить ее	14,2 %	17,1 %
Нет, без взятки не удалось	60,9 %	47,5 %

Если Вы столкнетесь (сталкивались) со случаем вымогательства взятки, каковы будут (были) Ваши действия (табл. 5).

Таблица 5

	Комсомольск-на-Амуре	Хабаровск
Дам взятку, поскольку это поможет решить проблему	71,3 %	34,9 %
Взятку не дам, буду добиваться решения проблемы законным путем	4,2 %	19,3 %
Обращусь в правоохранительные органы	1,8 %	5,4 %
Откажусь от решения проблемы	1,6 %	2,3 %
Буду искать другие варианты решения	5,3 %	23,8 %
Затрудняюсь ответить	15,8 %	14,3 %

Обращались ли Вы в органы власти или в правоохранительные органы в связи со случаем коррупции? (табл. 6).

Таблица 6

	Комсомольск-на Амуре	Хабаровск
Да, обращался	2,7 %	2,7 %
Не знаю, куда обращаться	4,7 %	15,3 %
Нет, не обращался	89,3 %	80,9 %
Затрудняюсь ответить	3,3	1,1 %

Отсутствие желания граждан как-то влиять на решение проблем коррупции формируют своеобразную институциональную ловушку, когда никакие реформы институтов власти, финансов, бизнеса и общественной системы не будут способны решать никакие стратегические проблемы соответствующих областей. Коррупция приводит и будет приводить далее к тому, что любые институты будут фактически разрушать сами себя, а также любые факторы, которые могли бы способствовать снижению уровня коррупции. Практика коррупционного поведения на всех уровнях политической, экономической и общественной жизни будет все более расширяться, превращая некоррупционное поведение в крайне невыгодное и даже невозможное.

В **Заключении** представлены выводы проведенного в диссертационном исследовании анализа и определены направления дальнейшей работы по данной проблематике.

Фактически институциональное закрепление теневых форм взаимодействий, их распространение за пределы экономики – на все сферы жизни общества – привело к прогрессирующему вытеснению легальных фигур социальной практики, к деградации государства. В этом контексте глубокие опасения вызывает выход неформальных практик взаимодействий за рамки экономики и распространение их практически на все неэкономические сферы общественной жизнедеятельности. К таким взаимодействиям можно отнести, к примеру, теневые договоренности как элемент функционирования институтов законодательной и исполнительной власти, включая органы правопорядка; теневые методы решения проблем в отраслях социальной сферы; теневые методы в политике и социальном управлении. Теневые процессы стали неотъемлемой составляющей образа жизни населения страны.

Институциональные преобразования функционирования государственной власти, безусловно, будут способствовать повышению эффективности деятельности государственных органов и противодействовать коррупции. А вот ценностно-мотивационную предрасположенность россиян к коррупционным практикам способно подвергнуть трансформации формирование развитой правовой культуры российского населения. Повышение авторитета формальных государственных институтов обеспечивается, с одной стороны, структурированием деинституционализированной среды, а с другой – легализацией неформальных институциональных норм, институционализацией механизмов взаимодействия бизнеса и власти, лоббирующих организаций и др. Основными предпосылками ускорения этих процессов, характеризующихся длительностью, постепенностью, системностью и движением снизу – от устоявшейся нормы, имеющей историю неформальной апробации, к созданию формального института, являются: повышение уровня доверия гражданского общества к государству, смещение детерминант поведения экономических субъектов в сторону эффективных неформальных норм – предпринимательской этики, кодекса корпоративного поведения и др.

Основные результаты работы отражены в следующих публикациях:

1. Ярулин К. И. Социологический анализ теневой экономической деятельности: к постановке проблемы / Н. Т. Кудинова, К. И. Ярулин // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. – 2008. – № 3 (10). – С. 9–18. (0,58 печ. л.).
2. Ярулин К. И. Институционализация социально-экономических процессов: новые социологические подходы / К. И. Ярулин // *Власть и управление на Востоке России*. – 2008. – № 3 (44). – С. 194–199. (0,68 печ. л.).
3. Ярулин К. И. Институционализация теневых социальных практик / Н. Т. Кудинова, К. И. Ярулин // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. – 2009. – № 2 (13). – С. 213–220. (0,5 печ. л.).

4. Ярулин К. И. Система социальных институтов и антиинститутов / К. И. Ярулин // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2010. – № 3 (18). – С. 279–284. (0,38 печ. л.).

5. Ярулин К. И. Предпринимательство в процессе формирования гражданского общества / К. И. Ярулин // Эффективность экономики прибрежных районов в условиях развития интеграционных процессов в АТР : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Петропавловск-Камчатский : КамчатГТУ, 2005. – С. 191–193. (0,25 печ. л.).

6. Ярулин К. И. Коррупция как социальное явление: предпосылки к возникновению, основные проявления, государственная политика по ее преодолению / К. И. Ярулин // Социально-экономические процессы и социальное взаимодействие : сб. науч. тр. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та. 2005. – С. 66–76. (0,64 печ. л.).

7. Ярулин К. И. Профсоюзы и теневые практики / К. И. Ярулин // Роль профсоюзов в процессе развития гражданского общества. Региональный аспект : материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2006. – С. 320–325. (0,41 печ. л.).

8. Ярулин К. И. Теоретико-методологический анализ институционального подхода в современной социологии / К. И. Ярулин // Социальные практики и институциональные изменения : сб. науч. ст. аспирантов и соискателей. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2007. – С. 59–67. (0,5 печ. л.).

9. Ярулин К. И. Институционализация новых социальных практик в трансформирующемся обществе / К. И. Ярулин // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность : сб. науч. тр. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2008. – Вып. 1. – С. 118–126. (0,5 печ. л.).

10. Ярулин К. И. Трансформация понятия «институт» в социологической науке / К. И. Ярулин // Социальные практики и социальное прогнозирование: сб. науч. тр. / под ред. проф. И. Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2009. – С. 144–148. (0,28 печ. л.).

11. Ярулин К. И. К проблеме деинституционализации коррупционных практик / К. И. Ярулин // Вестник Дальневосточной ассоциации профсоюзов : сб. науч. тр. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – № 5. – С. 190–195. (0,38 печ. л.).

Подписано в печать 19.04.12. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс».
Печать цифровая. Усл. печ. л. 1,3. Тираж 100 экз. Заказ 96.

Отдел оперативной полиграфии издательства Тихоокеанского государственного университета.
680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.